

Майя Александровна Кучерская
(НИУ «Высшая школа экономики»)

С миру по нитке: о возможном источнике поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»

1

Одна из самых выразительных структурных особенностей поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — сконструированный Н. А. Некрасовым коллективный образ русского крестьянства. Это «народное тело» распадается на множество голосов, лиц, историй, но в массовых сценах поэмы действует как единый персонаж. Обычно обсуждение возможных источников этого коллективного образа русского крестьянства, или, выражаясь языком школьного учебника, «образа народа», сводится к указанию на многочисленные фольклорные тексты, на которые Некрасов, безусловно, опирался. Данная статья будет посвящена еще одному до сих пор не учтенному контексту: гипотетическому литературному источнику поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — патриотической литературе эпохи Крымской войны, сочинявшейся в пропагандистских целях и также представлявшей русский народ как единое целое.

Как уже отмечалось, на наш взгляд, «импринтом» идеальной поэмы для Некрасова стала байроновская поэма, включавшая разнообразные драматургические элементы — законченные сцены, диалоги, вставки в виде песен, как затем и некрасовские стихотворения и поэмы, в том числе итоговая «Кому на Руси жить хорошо»³¹⁰. Разумеется, помимо впитанной еще в гимназические годы поэтики романтизма, Некрасов чутко реагировал и на актуальные литературные контексты. Среди них — пропагандистская словесность 1850-х гг., в стихах и в прозе, в эпических и драматических жанрах, которая, в свою очередь, сама во многом питалась и вдохновлялась выработанными в ро-

³¹⁰ См.: *Кучерская М. А.* Байронизм Некрасова: к постановке проблемы // Карабиха: историко-литературный сборник. Вып. 9. Ярославль, 2016. С. 8–25.

мантической литературе представлениями о национальной культуре. Решение «крымской» темы в поэзии Некрасова во многом строилось на полемике с литературным официозом: ключевой для одноименной поэмы (1857) Некрасова образ *тишины* противопоставлен в том числе *шуму* пропаганды³¹¹, как затем и в стихотворении «В столицах шум, гремят витии...» (1858), напрямую с Крымской войной не связанным, но, как представляется, продолжающем заявленную в крымских текстах тему. Вместе с тем, полемизируя, Некрасов вполне мог использовать выработанные пропагандистской словесностью и подходящие под его художественные задачи конструкции, в частности, коллективный образ русского народа.

Ниже мы укажем на один возможный источник массовой сцены поэмы «Кому на Руси жить хорошо»; не сомневаемся, что это наблюдение носит метонимический характер и при более обширном исследовании патриотической словесности 1850-х гг. пересечений с поэзией Некрасова можно найти гораздо больше.

2

В первой части поэмы «Кому на Руси жить хорошо», в четвертой главе «Счастливые», описывается, как крестьянин Ермил Гирин, прославившийся своей честностью, в прошлом писарь, потом бурмистр, теперь арендатор мельницы, выходит на базарную площадь и просит народ помочь ему собрать необходимую сумму, которую нужно срочно уплатить за мельницу купцу Алтынникову. Через неделю Ермил обещает вернуть всем долг. Находящиеся на площади крестьяне немедленно откликаются на его просьбу.

И чудо сотворилось:
 На всей базарной площади
 У каждого крестьянина,
 Как ветром, полу левую
 Заворотило вдруг!
 Крестьянство раскошело,
 Несут Ермилу денежки,
 Дают, кто чем богат.

³¹¹ Ср. также: Зубков К. Ю. «Солнце правды»: Метафорика поэмы Н. А. Некрасова «Тихина» и литературный контекст // *Petra philologica*: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия. (Литературная культура России XVIII века. Выпуск 6.) СПб.: Нестор-История, 2015.

Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать,
Успей пересчитать!
Наклали шляпу полную
Целковиков, лобанчиков,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермило брал — не брезговал
И медным пятакom.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут подалася
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!

Уж сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: «Бери, Ермил Ильич,
Отдашь, не пропадет!»³¹²

Выскажем предположение, что сцена народного сбора, в которой все единодушно собирают деньги для Ермила Гирина, могла быть подхвачена Некрасовым из на шумевшей пьесы петербургского актера и водевилиста П. И. Григорьева — «За веру, царя и отечество»³¹³.

Григорьев написал более восьмидесяти водевилей, не имеющих отношения к актуальной политической повестке, но в момент, когда уверенность в победе русской армии начала колебаться, сочинил и патриотическую пьесу.

Его драматическое представление «За веру, царя и отечество» делится на три картины: «Деревенская беседа», «Копейка дороже рубля» и «Почетные гости». В центре первой картины посиделки в селе Богатово, на которых гуляет молодежь — неженатые сыновья выборного, Иван, Трофим и Игнатий, и девушки, поющие народные любовные песни. Вторая часть, на которой мы остановимся подробнее, посвящена сбору средств на сирот и вдов, третья — приходу в село отряда

³¹² Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 5. Л., 1982. С. 59—60.

³¹³ См.: Григорьев П. И. За веру, царя и отечество. Народное драматическое представление в прозе и стихах в 3 картинах с русскими национальными песнями, плясками и военными куплетами. СПб., 1854. Отметим, что песни и пляски в виде вставок в драматическое произведение отсылают нас к романтической поэме и драме, ср.: Олин В. Н. Корсер. Романтическая трагедия в трех действиях с хором, романсом и двумя песнями, турецкою и аравийскою, заимствование из английской поэмы лорда Байрона. СПб., 1827.

солдат-новобранцев, которые идут в военный поход, сельчане обильно потчуют их, а завершается пир дружной славой царю и отечеству.

Ключевая идея «народного драматического представления» Григорьева предсказуемо сводится к тому, что все мужское население России жаждет «грудью защищать» «славное Отечество» и «проливать свою кровь за Веру и Великого Государя»³¹⁴. Отставной моряк Борис Непогода (его роль с большим успехом исполнял сам автор, П. И. Григорьев), появляющийся в первой картине, рассказывает, что идет пешком в Петербург, чтобы попроситься в армию добровольцем. Добрый помещик села Богатова также собирается в столицу — повидать старых сослуживцев, а затем, вероятно, тоже отправиться «поколотить бусурманов». Проситься добровольцем, чтобы передуть «всех окаянных врагов батюшки-Царя», решает и отставной кавалерист Спиридон Палашев³¹⁵. Вслед за ними и Выборный отправляет на службу Царю и Отечеству пятерых своих сыновей: и двух старших, женатых, и трех неженатых, к их великой радости разумеется. Падая в ноги барину, все братья восклицают: «Батюшка барин! Сделай нам Божескую милость! Дай послужить верой и правдой! Возьми нас всех!..»³¹⁶

Действие прославляется песнями, сначала девичьими, любовными, но довольно скоро их вытесняют патристические и военные, о силе и неизбежной победе русского войска. Среди них и песня Выборного («Наша Русь любимая, / Встань со всех концов, / Грянь, непобедимая, / На своих врагов!!³¹⁷»), и песня моряка Непогоды о вражьем флоте, который обязательно сядет на мель, и тогда англичанам в красных мундирах, которые сравниваются с раками, не поздоровится.

Ай люшинки, ай люли!
Сядут на мель корабли!
<...>
Мы наловим, ай люли,
Красных раков на мели!³¹⁸

Выражаясь словами историка театра А. И. Вольфа, сказанными им по похожему поводу, довольно очевидно, что в драматическом представлении Григорьева было «больше чувства патриотизма, чем литера-

³¹⁴ Григорьев П. И. За веру, царя и отечество... С. 25.

³¹⁵ Там же. С. 28, 39.

³¹⁶ Там же. С. 57.

³¹⁷ Там же. С. 18—19.

³¹⁸ Там же. С. 71.

турного достоинства»³¹⁹. Композиционные законы драмы здесь практически не соблюдаются, главных героев — множество, и они постоянно меняются, привычные завязка, кульминация и развязка отсутствуют. Впрочем, как справедливо отмечал критик газеты «Северная пчела» в своем театральном обзоре, у этой драмы были совсем иные, не литературные и не драматургические задачи:

Какого театрального драматического сюжета можно требовать от пьес, служащих только к выражению всеобщих чувств? Кто заранее не знает всех этих мнимых сценических завязок и развязок? Какая-нибудь юная чета влюблена; какие-нибудь препятствия мешают соединению ея; какой-нибудь случай уничтожает это препятствие, и делу конец. <...> Кому же теперь занимательно видеть к патриотической пьесе приплетенную любовь каких-нибудь двух незначащих существ и соединение их в конец? В новой пьесе г. Григорьева очень благоразумно не выведено подобного сюжета, или, лучше сказать, в ней один сюжет — всеобщее чувство Русских за Веру, Царя и Отечество! Чего же еще больше? Чувство это везде выражено верно, искренно, пламенно, следственно, излишне прибавить, что пьеса имела огромный успех³²⁰.

Об успехе пьесы мы еще поговорим, а пока отметим, что особый интерес в связи с процитированной выше сценой массовой помощи Еремилу Гирину в поэме Некрасова для нас представляет вторая картина пьесы Григорьева — «Копейка дороже рубля». В этом действии внук Выборного, желая помочь своему приятелю, мальчику Андрею, сыну Спиридона Палашева, уходящего на войну, начинает собирать деньги ему и его матери. Сначала он просит их у деда, но вскоре к пожертвованиям подключаются все, кто находится на площади. Приведем эту сцену полностью.

Внучек (*подставляя свою шляпу выборному*). Дедушка! А дедушка!
Выборный. Что, мой внучок ненаглядный?

Внучек. А вот что: вот этот солдат идет на войну, а вон этот мальчик-то сын его, он с матушкой один останется сиротой, я ему отдал свою копейку на калач, да мало, дай, дедушка, пятак, сделай Божескую милость!

³¹⁹ Вольф А. И. Хроника Петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. Ч. 1. СПб., 1877. С. 175.

³²⁰ Р. З. Театральная хроника // Северная пчела. 1854. № 153. 12 июля. Обзор, подписанный инициалами Р. З., принадлежит, вероятнее всего, романтисту, драматургу и театральному критику Рафаилу Михайловичу Зотову. См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Т. 3. М., 1958. С. 10.

Выборный. Изволь, голубчик мой, твое доброе намеренье и не пятка стоит... (*Вынимает кожаный кошель из-за запясухи.*) На, мой ненаглядный. На помощь ближнему ничего не жаль! Вот те целковый!.. (*Кладет в подставленную шляпу.*)

1. Крестьянин. Э! постой: так и наша денежка не щербата! на доброе дело вот, братцы, и мой двугривенный! (*Бросает в шляпу.*)

2. Крестьянин. И у меня лишний гривенник нашёлся! на!

1. Баба. Вот, вот, родимый, у меня тоже пятак есть! Сиротке пригодится...

2. Баба. Эх, Власьевна, что уж давать один пятак на сироту? (*Внучку.*) Прими-ко от меня, голубчик, три пятака! да вот мы еще пойдем подозвать наших баб, и вестимо, ни одна, чай, сироте не откажет. (*Отходят.*)

Внучек (*громко и всем кланяясь*). Спасибо, добрые люди!.. дедушка! Смотри-ка, сколько денег-то мальчику будет...

Выборный. Слава богу, дитятко! Его милостью, твоя копейка дороже рубля стала...

Иван (*Внучку*). А! это вон тем, сынку-то и матери? ладно! полтинничек с моим удовольствием-с! на! (*Кидает в шляпу.*)

Игнатий. Постой, и моя полтина серебра идёт в общую сиротскую казну. Трофим (*вынимая из-за голенища*). Постой, постой, братец, положи и мои двадцать пять копеек серебром...

Выборный. Важны, сынки любезны! Так бы на лакомство потратили, тут по крайности на благое дело отдаете!..

В следующем явлении на площади «скопляется народ и, узнав общее желание, каждый бросает в шляпу Внучка что может и отходит»³²¹.

Добавляет денег и калачник, и лавочник, и целовальник, и даже сам Палашев, пока не выясняет, что средства собираются для его жены и сына. Палашев тут же заявляет о себе и своей семье: «По милости Царской обеспечен, нуждаться они не будут, стало быть, ни жена, ни сын мой этой жертвы от вас принять не захотят да и не посмеют!»

В результате собранные средства по предложению Палашева направляются «в пользу сирот и вдов тех воинов, которые заплатили жизнью, защищая Веру Православную!»³²². Добрый помещик удваивает собранную народом сумму, и результат оказывается внушительным — 600 целковых. Передать их губернатору берется все тот же помещик.

Сцена, в которой собирается коллективная милостыня для сына и жены солдата, а затем уже и всех вдов и сирот военных, оказывает-

³²¹ Григорьев П. И. За веру, царя и отечество... С. 41—45.

³²² Там же. С. 47—48.

ся в драме Григорьева переломной. После этого патриотическая тема окончательно подчиняет все остальные и становится не только центральной, но и единственной.

Крестьяне дружно жертвуют свои копейки, иные из которых «дороже рубля» (ср. у Некрасова: «Иная гривна медная дороже ста рублей»). Принципиальная особенность замысла Григорьева заключается в том, что действующие лица его драмы, в том числе в сцене сбора средств, принадлежат разным сословиям: жертвуют свои средства, поют песни во славу царя и отечества представители крестьянства (выборный, его сыновья, девушки, безымянные крестьяне на площади), купечества (лавочник, калачник, целовальник), дворянства (помещик, капитан, который ведет новобранцев), что несет очевидную идеологическую нагрузку, подчеркивая глубинное внутреннее единство русского народа. Завершается пьеса общим славословием, в котором также участвуют *все* герои пьесы.

На протяжении всего третьего действия, или картины, продолжается пир, во время которого пение патриотических песен и рассказывание стихотворной «сказки» о политических отношениях России и Англии моряком Непогодой, а тем более дружное славословие в финале звучит естественно.

Базарная площадь в торговый или праздничный день, всеобщий пир как удобные площадки для массовых сцен, конечно, не являлись изобретением Григорьева и наверняка были известны Некрасову, также использовавшему оба элемента в своей поэме³²³, из других источников — например, исторических драматических сочинений, в особенности патриотического толка. В том же 1854 г. в Большом театре была возобновлена, например, опера «Жизнь за царя» М. И. Глинки, которая также включала массовые сцены: в эпилоге, как известно, народ пел на Красной площади «Славься». Вообще в годы Крымской войны на сцене регулярно ставились патриотические пьесы — «Морской праздник в Севастополе» Н. В. Кукольника, «Ветеран и новобранец» А. Ф. Писемского, «Подвиг матери» О. Ф. Миллера, «Откликнулось сердце царю и отчизне» М. С. Владимирова, однако ни одна из них не описывала коллективный сбор денег.

И все же смотреть драматическое представление Григорьева для того, чтобы изобразить сцену коллективного пожертвования крестьян в пользу Ермилы Гирина, было необязательно. Идея коллективного пожертвования в годы Крымской войны носилась

---

³²³ Тем не менее использование пространства дороги для массовой сцены, похоже, носило оригинальный характер и принадлежало только Некрасову: ср. главу «Пьяная ночь» в первой части поэмы.

в воздухе — о пожертвованиях «на военные издержки» и российский военный флот, в которых в годы Крымской войны участвовали все сословия, не исключая и крестьян, дружно сообщали многие российские издания, в том числе «Морской сборник» и ежедневные газеты: «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Северная пчела». Некрасов и сам пожертвовал от журнала «Современник» 200 рублей серебром в пользу военного флота, за что удостоился благодарственного письма от великого князя Константина Николаевича³²⁴. Все это не отменяет и того обстоятельства, что, сочиняя историю Ермила Гирина и массового пожертвования в его честь, Некрасов мог вспомнить и сцену из драмы Григорьева. Был ли он, однако, с ней знаком?

3

Премьера спектакля «За веру, царя и отечество» состоялась 27 июня 1854 г. в Александринском театре и затем регулярно шла все лето и осень. 26 июня Некрасов отправил В. П. Гаевскому письмо из Петербурга (о необходимости срочно вычитать корректуру написанной Гаевским статьи). До того Некрасов отдыхал с друзьями на даче под Ораниенбаумом, но если 26 июня он находился в столице, то, скорее всего, и 27 июня он был там. Доподлинно известно, что Петербург Некрасов покинул лишь во второй половине июля, вместе с И. С. Тургеневым отправившись погостить у И. И. Маслова в Осьмино³²⁵. До его отъезда пьеса Григорьева давалась на сцене шесть раз (27 и 29 июня, 2, 4, 9, 16 июля). Некрасов вполне мог ее посетить. По крайней мере по трем причинам — в летние месяцы Петербург пустел, и развлечений в нем становилось заметно меньше обыкновенного; представление Григорьева стало шумным событием лета 1854 г.; наконец, в неменьшей степени и оттого, что Некрасова связывали с автором пьесы и исполнителем одной из ролей давние личные и профессиональные отношения. Он мог пойти на пьесу из человеческого и журналистского любопытства, а также, что называется, «по старой дружбе».

В начале 1840-х гг., в эпоху сочинения текстов на заказ, именно по просьбе Григорьева Некрасов написал водевиль «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке» для бенефиса актера (1841)³²⁶. Григорьев играл и в других водевилях Перепельского-Не-

³²⁴ См.: *Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова*. Т. 1. СПб., 2006. С. 433.

³²⁵ См.: Там же. С. 42–44.

³²⁶ См.: *Некрасов Н. А.* Указ. изд. Т. 11. Кн. 1. С. 261.

красова — «Актере»³²⁷ и «Вот что значит влюбиться в актрису!»³²⁸, а в 1842 г. Некрасов и Григорьев стали соавторами и сочинили комедию по роману Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Жизнь и похождения Петра Степнова сына Столбикова». Комедия «Похождения Петра Степанова сына Столбикова» прошла в бенефис Григорьева 4 мая 1842 г., на эту постановку откликнулся даже В. Г. Белинский в «Отечественных записках», не слишком доброжелательно³²⁹.

Сохранились ли приятельские отношения с Григорьевым по окончании водевильной эпохи в жизни Некрасова, мы не знаем. Однако 19 апреля 1850 г. Некрасов написал Гаевскому записку с значимой оговоркой («не ругать очень»): он просил Гаевского прочесть комедию Григорьева «Житейская школа», одно из самых популярных и многократно дававшихся на сцене его произведений, и написать рецензию для майского номера «Современника». Отправляя рукопись комедии, Некрасов написал: «В V № «Соврем<енника>» набрано пропасть дельных, но сухих библиографических статей, а это единственная книга, о которой можно написать что-нибудь поживее. Посылаю ее Вам в надежде, что Вы не поленитесь ее прочесть (труд немалый), пересказать ее содержание и вообще поболтать. Не ругайте ее очень. Нужна к V № непременно»³³⁰. Возможно, просьба не ругать комедию свидетельствует и о том, что Некрасов не утратил расположения к давнему приятелю. В ответ Гаевский написал для майского номера «Современника» за 1850 г. рецензию на «Житейскую школу»³³¹, довольно обширную и скорее одобрительную, хотя и сдержанную: «Вообще в пьесе виден ловкий, остроумный и талантливый водевилист, но не больше»³³².

³²⁷ См.: Там же. С. 674.

³²⁸ См.: Там же. С. 693.

³²⁹ «Эта комедия, с куплетами и с подъяческим заглавием, заимствована из романа г. Основьяненко, вышедшего в конце прошлого года. Читателям известно наше мнение об этом романе, впрочем, весьма почтенного писателя, равно как и самый роман. Комедия — как надо быть комедии, выкроенной из неудавшегося юмористического романа нашими доморощенными водевилистами: тут и преувеличенные против образца фарсы, и потребное количество двусмыслиц, и куплеты — главное куплеты — в которых остроумию составителей обыкновенно бывает полный простор. Столбиков комедии не похож на Столбикова романа: у г. Основьяненко он — то несбыточный пошлый идиот, то очень умный и нравственный человек, которому автор сильно сочувствует, в комедии он лубочно-смешной и круглый дурак, который, при такой же неестественности, по крайней мере одинаков» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. XII. М., 1956. С. 148—149).

³³⁰ См: Некрасов Н. А. Указ. изд. Т. 14. Кн. 1. С. 135, 303.

³³¹ См.: Современник. 1850. № 5. Библиография. С. 35—40.

³³² Там же. С. 46.

«Современник» откликался и на другие сочинения Григорьева³³³, и вряд ли по старой дружбе: Григорьев был одним из самых плодовитых и популярных водевилистов эпохи, его пьесы постоянно шли на сцене петербургского Александринского и московского Малого театра, избежать обращения к его драматургии при обсуждении театральной жизни было невозможно.

В обзоре «Современника», посвященном «воодушевленным патристическим чувством» изданиям, была названа и драма Григорьева «За веру, царя и отечество»³³⁴, которую издали отдельной книжкой и по распоряжению автора продавали в пользу раненых. Книжка эта лишь перечислена среди других. Возможно, она не удостоилась специального рассмотрения, потому что номером раньше «Современник» развернуто откликнулся на шумную премьеру пьесы в Александринском театре.

В рубрике «Новости» раздела «Современные заметки» в августовском номере за 1854 г. о постановке новой драмы Григорьева сообщалось:

Успех огромный. Он прямо выходит из содержания, которое заимствовано из современных событий. Несколько песен постоянно возбуждают громкие рукоплескания и повторяются по единогласному требованию публики. <...> Но место, наиболее возбуждающее сочувствия и удовольствие в публике, это — сказка об английском флоте, которую мастерски рассказывает сам автор, играющий роль старого моряка, Бориса Непогоды³³⁵.

Огромный успех, о котором писал «Современник», подтверждают и театральные обзоры других изданий, хотя Р. М. Зотов в «Северной плече» хвалил не столько автора, сколько избранную им актуальную тему:

Даже и талантливый автор не почтет этого успеха собственно принадлежащим его пьесе. Публика и не думала в это время о пьесе. Она слышала на сцене выражение собственных своих чувств и с восторгом встречала каждое слово, служащее верным отголоском ее мыслей. Она заставляла

---

³³³ Ср.: Домашняя история <...>. Соч. П. И. Григорьева 1-го. СПб., 1849 // Современник. 1849. № 12. Отд. III. С. 143—146; Заговорило ретивое <...>. Соч. П. И. Григорьева. СПб., 1851 // Современник. 1851. № 4. Отд. V. С. 61—64.

³³⁴ См.: Современник. 1854. № 9. Отд. IV. С. 34—38. О «Современнике» во время Крымской войны см.: *Макеев М. С.* Николай Некрасов. М., 2017. Серия «Жизнь замечательных людей». С. 198—199.

³³⁵ Современник. 1854. № 8. Отд. V. С. 170—171.

беспреданно повторять все куплеты, так что актеры сыграли в этот вечер почти два раза одну пьесу³³⁶.

С «полным успехом» поздравляли Григорьева и «Санкт-Петербургские ведомости»:

Публика на этот вечер представляла истинно-умилительное зрелище: не раз залу сотрясало громкое и единодушное «ура», служившее отголоском тому, которое раздавалось на сцене. Рукоплескания и вызовы отличались особенною восторженностью и единогласием. <...> Много способствовали успеху пьесы обилие куплетов, которые поются в ней на русские мотивы, и отличная игра актеров. <...> Г. Самойлов³³⁷ удивительно хорошо поет эти куплеты и вообще неподражаем в роли старика-выборного, которой придает какой-то трогательно-патриархальный характер. <...> Произвели значительный эффект песня и сказка Непогоды. Первая была повторена в первое представление, а во втором г. Григорьев 1-й должен был спеть ее даже три раза, по неотступному требованию публики³³⁸.

Обозреватель отмечает и то, что «актеры все до одного видимо порадили автору: они не только играли хорошо каждый по отдельности, но дружно, согласно, с большим одушевлением»³³⁹.

Все критики связывали успех пьесы с ее актуальным содержанием. На языке драмы Григорьев пересказывал то, что и так у всех было на слуху: например, вторил сообщениям газет о новых добровольцах-ополченцах и денежных пожертвованиях. Его драма прошла в Александринском театре рекордные для сезона 1854/1855 гг. пятнадцать раз (на втором месте оказалась «Бедность не порок» Островского, шедшая тринадцать раз; на третьем, что характерно, вторая часть «Житейской школы» все того же Григорьева, которая прошла десять раз)³⁴⁰.

Описывая эпоху 1850-х гг., актриса Александринского театра А. И. Шуберт-Яновская также вспомнила о драме Григорьева как примете времени: «П. И. Григорьев разразился новой пьесой “За веру, царя и отечество”. Страсть какая патриотическая! С куплетами на тему, как мы французов шапками закидаем и “будем ловить красных раков на мели”. Экземпляры этого произведения продавались в пользу

³³⁶ Северная пчела. 1854. № 153. 12 июля.

³³⁷ По водевильной поре Некрасов был хорошо знаком и с В. В. Самойловым (1813–1887), знаменитым актером Александринского театра.

³³⁸ Театральная хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. № 15. 13 июля.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Вольф А. И. Хроника Петербургских театров... Ч. 2. С. 205.

раненых. <...> Мы все еще находились в упоении славы Синопского сражения, хотя английский флот уже стоял в виду Кронштадта»³⁴¹. 20 сентября 1854 г.³⁴² драматическое представление было поставлено и в Москве в Малом театре, хотя здесь уже не имело такого успеха, как в Петербурге.

Из сказанного, очевидно, следует, что Некрасов, конечно, слышал о народном представлении Григорьева. И даже если не смотрел его в театре, вполне мог читать текст в книжке. Весьма вероятно и то, что он действительно был знаком с текстом пьесы и, сознательно или нет, опирался на ее центральную сцену со сбором средств. Дополнительным аргументом в пользу того, что именно пьеса Григорьева послужила источником «Кому на Руси», является и подчеркнута театральным характер сцены пожертвования в поэме Некрасова, превращение народной милостыни в коллективную акцию, визуализованную, с прописанной жестикуляцией участников.

Сближает сцены на базарной площади и то, что бенефициаром народного пожертвования становятся конкретные лица, в драме Григорьева это мальчик Андрей и его мать, в поэме Некрасова — Ермил Гирич. Отметим, что в коллективной жертве как таковой, при общинном укладе крестьянской жизни и распространенности сборов на благо дело, например на строительство храма, не заключалось ничего уникального, это было частью народного быта и именно поэтому распространенным литературным мотивом: например, в пьесе А. Н. Островского «Козьма Захарыч Минин, Суворук» (1861), опубликованной в некрасовском «Современнике», в первом номере за 1862 г., также присутствует пространная сцена народного пожертвования (основанная на исторических фактах) — герои драматической хроники Островского дружно жертвуют все свои средства на ополчение и спасение «Руси святой» от врагов.

Впрочем, Григорьев не позволяет сохранить коллективному пожертвованию личную направленность, в пространстве его пьесы личное подчиняется интересам отечества, поэтому и принесенная жертва посвящается в итоге не одной, а всем безымянным сиротам и вдовам погибших на войне солдат.

Некрасов использует разработанный в официальной патриотической словесности коллективный образ русского народа, но в его поэзии окаменевшие русские богатыри превращаются в живых людей, чему способствует и его поэтический талант, и другая, социалистическая

³⁴¹ Шуберт А. И. Моя жизнь. Л., 1929. С. 167.

³⁴² м.: Московские ведомости. 1854. № 112. 18 сентября. Здесь объявлялось о скорой премьере в Малом театре.

по духу, идеология. В сущности, одну идеологему Некрасов заменяет другой. В «Кому на Руси жить хорошо» сцена коллективной крестьянской милостыни Ермиле Гирину — это свидетельство единства и солидарности отнюдь не всего русского народа, независимо от сословий, как в пьесе Григорьева или Островского, но лишь крестьянства, которое вполне способно к самоорганизации и, с одной стороны, противостоит лукавому купцу Алтынникову и жуликоватым подьячим, с другой — совершенно доверяет всегда стоявшему за крестьян Ермиле Гирину.